

Ю Л И Я
Я К О В Л Е В А

Ю Л И Я
Я К О В Л Е В А

КАННИБАЛЫ

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я47

Оформление переплета
А. Дурасова

Издательство благодарит
Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency
за содействие в приобретении прав

Яковлева, Юлия Юрьевна.

Я47 Каннибалы / Юлия Яковлева. — Москва : Эксмо,
2020. — 640 с.

ISBN 978-5-04-109925-1

Что мы знаем о балете? Огни рампы, балетные пачки, пуанты, легкость, воздушность, красота... Юлия Яковлева покажет нам балет (да не просто балет, а балет в Большом) таким, какой он за кулисами. Тяжелый труд, пот, мозоли, интриги. Но все это здесь не главное. Все это только вплетено в еще более интересную интригу. О том, как связан балет «Сапфиры» с африканскими алмазами, которые добывают для русского олигарха на африканских рудниках под охраной ЧВК, узнать удастся только потому, что в здание Большого театра войдут женщина с ребенком, а выйти удастся только ребенку.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109925-1

© Яковлева Ю., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Все описываемые люди, места и события вымышлены, театр — это не Большой театр, а придуманный, мнения персонажей не совпадают с мнением автора, любое сходство с реально существующими людьми и их историями является случайным и непреднамеренным.

Александру Роднянскому

А к т е р: Трагедии, сэр. Убийства и разоблачения, общие и частные, развязки как внезапные, так и неумолимые, мелодрамы с переодеванием на всех уровнях, включая философский. Мы вводим вас в мир интриги и иллюзии... клоуны, если угодно, убийцы — мы можем вам представить духов и битвы, поединки, героев и негодяев, страдающих любовников — можно в стихах; рапиры, вампиры или и то и другое вместе, во всех смыслах неверных жен и насилуемых девственниц — за натурализм надбавка, — впрочем, это уже относится к реализму, для которого существуют свои расценки.

*Том Стоппард. Розенкранц
и Гильденстерн мертвы*

Глава 1

1

Умирать мне не понравилось. Обычно как себе это все представляешь: громкий хлопок, как в ладоши — и ты даже не понял, что он относился к тебе, как наступила непроницаемая, тихая бархатистая темнота.

Так я себе это представлял, когда вообще задумывался, как оно может кончиться, что называется, при исполнении.

Так вот, все оказалось совсем иначе. Жизнь, говорят, обманывает. Как выяснилось, смерть тоже. Во-первых, умирать долго. Во-вторых, больно. И тьма никак не наступает. Горели фонари в мокрых ореолах. Плескались на воде блики. Жирно отражался свет в мокром черном асфальте.

В Питере он всегда мокрый (хорошо, не всегда, а как правило). На фоне неба видны были еще более темные угловатые дылды с клювами: портовые краны. Вода плюхала. Со стороны погрузки стучало и лязгало — в питерском порту работа идет даже по ночам. На это, собственно, мы и рассчитывали, когда устроили им здесь засаду. Мы не ошиблись. Они пришли, как и говорил информатор.

Ошиблись мы только в том, что отгужали они вовсе не паленые сигареты без таможенных накладных. Никто не станет стрелять из-за сраных сигарет. Даже в питерском порту. Даже в... Это потом их все стали называть лихими девяностыми, а тогда это просто были девяностые. 96-й год, если совсем точно.

По-видимому, у меня было пробито легкое. Боль толчками хлестала внутрь из разорванной трубы вместе с кровью. Боль заполняла грудь. Я примерно понимал, что происходит: кровь устремлялась в полости, давила сразу на все — сосуды, нервные окончания. Как будто внутри тебя растет железное ядро. Странно: в такие моменты, оказывается, слушаешь одновременно внутри и снаружи — что происходит. А паники почему-то нет.

Только раздражение оттого, что в бок врезается острым краем поребрик, а позу не сменить — тело тяжелое и неповоротливое, как мокрый парус. Это не метафора: я и был мокрым — выстрел отбросил меня в лужу. Такую длинную глубокую лужу, из каких мудаковатые водилы любят окатывать пешеходов на краю тротуара. Подумал только: вот блядь. Но не из-за выстрела. Из-за лужи.

Потом врач мне объяснил, как так: в такие моменты в теле херачит адреналиновая помпа. Заглушает все. За что ей, конечно, большое спасибо.

Внутри я слушал, как распирает, растет железное ядро.

А снаружи слышал шаги. По мокрому асфальту. Жирный звук отдираемого пластыря.

Я лежал щекой на асфальте (спасибо, не в луже). Шершавом, уже согретом моим лицом. Я увидел ботинки. Коричневые, с манерными дырочками. Видно, итальянские. И так мне стало досадно! Что не взял гада, что будет он ходить в своих ботиночках... А умирать мне жалко не было. К этой мысли я давно привык: однажды все кончится, и возможно, это случится «при исполнении». В принципе, к мысли привыкаешь настолько, что больше не думаешь о смерти совсем. А зачем? — все равно работа такая.

Жизнь — такая. Не будешь же каждый день выходить из квартиры и думать: а если обвалится под ногами лестничный пролет? А если сорвется на голову козырек подъезда? Случайная машина вырвется из-за угла — с води-

телем, уснувшим на несколько мгновений, — последних в твоей жизни. И так далее. Возможно? Конечно. Но как правило, в жизни не случается ничего. Лестничные пролеты стоят, козырьки торчат, водители крутят баранку. И обычно везет. До сих пор, во всяком случае, как-то обходилось.

Штанины над фасонистыми ботиночками изменили угол. Он, видно, присел. Руки распахнули на мне куртку. Пушку свою он сунул себе под мышку, чтобы не мешала: я смотрел на длинный лунный блик на стволе. Руки его шарили по мне, порылись во внутреннем кармане. Вынырнули с бумажником. Щелкнула кнопочка.

— Мент, значит.

Видно, до сих пор он в этом сомневался. Видно, беспокоился: не другие ли братки подставу устроили. Ан нет, родная милиция. Удостоверение полетело на асфальт.

Опять мне стало досадно: знать бы, что налетим здесь на наркоту, привели бы с собой кавалерию, хрена бы они от нас ушли. Эх...

А потом он нашел в бумажнике еще что-то:

— Ишь.

— Что там? — нетерпеливый голос, еще один.

В ответ я услышал только тишину: видно, тот, первый молча поднял повыше бумажник, показал другому. Что еще за хрень? Не деньги же он мои показывает. Второй не сказал ничего. Но я опять услышал звук отдираемых репейников: тот, второй, приближался. Я заставил себя, плюхнувшись в луже как издыхающий тюлень, перевернуться на спину. Железное ядро внутри перекатилось тоже, так что в глазах у меня блеснуло от боли. Но теперь я видел харю первого. Уши-пельмени, сбитый нос, неандертальский лоб. Бывший боксер. Он изучал фотку в моем бумажнике.

Голос его странно дрогнул:

— Малявка есть, значит.

Я вспомнил: фотка. Вот на что они смотрели. На лицо. Пухлый и лысый, крошечные изящные черты, как будто

вырезанные и вылепленные на щекастой булке. Все младенцы нелепы. Днем в управлении я поднял эту фотку с пола, сунул в бумажник, чтобы... да не важно. И к вечеру о ней совершенно забыл.

Но тут пушка из подмышки бывшего боксера снова перекочевала в лапу. Отверзлась щель рта:

— Так вот, это не из-за меня, это из-за тебя, дебила, малявка остается сиротой.

Шаги того, второго, зачавкали быстрее. Как будто быстрее закачался маятник, побежало последнее время, которое мне осталось в жизни.

Бывший боксер вытянул руку с пушкой. В темноте его кожаная куртка казалась обмазанной черной икрой. Я глядел и глядел на его харю. На маленькие глазки под низковатым лбом. На расплющенные уши. И это моя смерть?

— Уяснил?

Заминка длилась несколько секунд. Этого хватило. Я засек быстрое черное движение на самом краю моего глаза: взметнулся черный рукав. Затем в мозгу отпечатались картинка: две фигуры. Одна в куртке, другая в пальто, складном, по фигуре. Некстати вспомнилось что-то школьное: человек в футляре. Первый направил пистолет на меня. Другой бесшумно и точно приложил дуло к уху-пельменю боксера. А дальше было, как я себе всегда представлял: негромкий звук хлопка в ладоши. И фигура в куртке как бы осыпалась, осела, завалилась, потом с кокосовым звуком треснула рядом со мной об асфальт голова.

Увидел ли он потом тихую непроницаемую тьму? По его мертвому лицу было не понять. Пулей снесло большой кусок черепа. Кровь легла широкой черной лентой.

Человек в футляре, вернее дорогом пальто, подошел ближе. Какие у него были ботинки — не знаю. Но думаю, тоже хорошие. Ему всегда нравится лучшее — до сих пор нравится: лучшие бабы, лучшие тачки, лучшие шмотки, говна не надо. Я смотрел вверх, на небо без звезд. В Пи-

тере оно почти всегда закрыто облаками. Сил повернуть голову у меня уже не было. Он рассматривал мое лицо — без любопытства, но я заметил некое... смущение, что ли? И лацканы пальто.

Он присел на корточки. Опять посмотрел на фотку младенца в моем бумажнике. Отвел глаза. Смешно. Бандюки сентиментальны, да: котята, младенцы, мама родная, боженька — вот это все. Я не удержался. Почувствовал, как на губах надулся кровавый пузырь, лопнул, обдав мне глаза, щеки, лоб соленой мокрой пылью. Рот сразу наполнился кровью. В груди сипело. Но получилось — я расслышал собственный голос:

— Ты что, хороший человек?

Кровь теперь текла по подбородку. Он опять посмотрел мне в глаза. Обычная русская рожа. Как будто бы задумался над вопросом.

— Нет, — ответил он серьезно.

Я снова увидел пистолет. Добьет меня?

А потом край шарфа: он вытер им пистолет. Через шарф же — вложил в мою руку. Сжал вокруг рукоятки деревянные пальцы — мои.

— Я плохой человек, — подтвердил он мне. И пошел прочь. В другую сторону. Не туда, откуда сплошной мерцающей стеной уже летели с воем ментовские сирены.

Как ни крути, а он спас мне жизнь. Вот и познакомились.

Рассказываю об этом, чтобы объяснить, как вышло потом все остальное. Он все-таки спас мне жизнь. И он пожалел чужого ребенка. Это главное, что я хотел о нем знать все эти годы. А что еще нужно знать друг о друге? За что еще держаться, когда меняется вокруг — все?

Годами я думал, что, как все хорошие люди в нехорошем месте, он немного стесняется своей доброкачественности, скрывает ее от других, от упырей.

Я только сейчас понял: он мне тогда не соврал. Он вообще довольно честный. Без крайней необходимости не врет. Чисто для гамбургского счета: той ночью обма-